

Мирослава Малюха
(Львов)

МИФОЛОГИЧЕСКАЯ ЯЗЫЧЕСКАЯ И ХРИСТИАНСКАЯ СИМВОЛИКА ВЕРБЫ В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ И ПОЛЬСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ

Artykuł jest próbą opisu konotacji kulturowych we frazeologizmach zawierających komponent 'wierzba', 'wierzbowy'. Analiza obejmuje zarówno dane językowe (frazeologizmy, przysłowia, bajki itp.), jak też zapisy wierzeń i praktyk.

W kulturze słowiańskiej symbolika wierzby jest bardzo zróżnicowana. Z jednej strony wiąże się ona z płodnością, szybkim wzrostem, żywotnością, giętkością, z drugiej zaś — z bezpłodnością, głuchotą, milczeniem i śmiercią. W językach wschodniosłowiańskich i polskim frazeologizmy ze słowem wierzba wyrażają 'brak', 'ciemną siłę', 'pustkę'. Zwyczaje i praktyki chrześcijańskie kojarzą wierzbę z życiem, radością i nadzieją. We frazeologizmach białoruskich, ukraińskich i polskich często obok komponentu 'wierzba' występuje komponent 'grusza' (grusza podobnie jak wierzba kojarzona jest z nieczystą siłą). We frazeologizmach polskich i ukraińskich występują jeszcze inne komponenty: 'diabeł/czort' oraz 'suchy'. Relacja ekwiwalencji łączy też wierzbę i palmę: wschodniosłowiańskiej nazwie *Verbnoe voskresen'e* odpowiada polska nazwa *Niedziela Palmowa*.

Представлении доклад является частью работы о фразеологизмах с компонентом — названием деревьев.

Такие фразеологизмы опираются на внеисторическую мотивацию, так как на протяжении тысячелетий природа остается почти неизменной. Фольклор придает им обобщенно-персонифицированное, иногда символическое значение. Образы деревьев часто связаны со старинными языческими культами (предков, земледелия, скотоводства, домашнего очага).

Изучение фразеологии с точки зрения компонентов имеет не очень продолжительную историю. Отношение лингвистов к компонентам фразеологического оборота можно условно разделить на две противополо-

жные точки зрения. В современных пособиях по русскому языку преобладает точка зрения, что компонент фразеологического оборота чаще всего не имеет самостоятельного значения либо имеет метафорическое значение. Противоположная точка зрения заключается в том, что различные компоненты могут сохранять культурные либо национально-культурные коннотации и мотивации.

Попытаемся проследить, какие элементы языческого и христианского мировоззрения сохранились во фразеологизмах с компонентом *‘верба / вербовый’*¹.

Олицетворяя всю природу, славяне поклонялись добрым и злым духам, местом пребывания которых являлись деревья, растущие в священной роще, у священных криниц, деревья необыкновенной величины и формы (с наростами, со скрученными ветвями, с глубокими дуплами). Некоторым из них приписывались целебные свойства, другие считались местом пребывания демонов болезней.

К почитаемым относятся также те виды деревьев, которые, согласно народным поверьям, возникли путем превращения человека в дерево. Уместным будет, на наш взгляд, привлечение цитаты из А. Н. Афанасьева о бытующем в белорусском и украинском фольклоре предании о вербе: „Въ древнія времена жила въ Литвѣ Блинда — жена, одаренная изумительнымъ плодородіемъ; она рождала дѣтей с необычайной легкостью и не только изъ чрева, но даже изъ рукъ, ногъ, головы и другихъ частей тѣла. Земля, самая плодovitая изъ матерей, позавидовала ей, и когда Блинда шла однажды лугомъ — ноги ея вдругъ погрузились въ болотистую топь и земля такъ крѣпко охватила ихъ, что бѣдная женщина не могла двинуться съ мѣста, и тутъ-же обратилась въ вербу” [Афанасьев А., 1868, 504–505]².

Согласно украинским поверьям, дозможны и другие метаморфозы: люди не должны купаться до вешнего Николы (9 мая), не то из человека вырастет верба [Афанасьев А., 1868, 505].

Народное верование в возможность перехода души в дерево выразительно проявляется в предании, по которому „мать семейства оставляла каждую ночь свое тѣло и входила въ иву. Когда узналъ объ этомъ мужъ ея, и дерево срубилъ, то вслѣдъ за этимъ упала и жена, словно скошенная серпомъ и умерла. Любовь ея къ дѣтямъ, однако же, пережила ее. Колыбель, сдѣланная изъ этой ивы, убаюкивала оставшихся

¹ Верба (*Salix*) — родовое название деревьев и кустов множества видов: ива, ветла, лоза, бредина, ракатник, молокитник, тал, тальник, целюга и др.

² Цитаты из работ, изданных до 1917 г., приводятся с сохранением особенностей старой орфографии и грамматики.

сиротъ, а когда ива снова выросла, и сироты вырѣзали изъ нея дудку — мать заговаривала” [Мандельштам И., 1882].

Приписывая вербе благодатное влияние на детородие женщин, крестьянки приходили к ней и молились о даровании им детей: этот факт, имевший место на правом берегу реки Неман близ Юрборка, в деревне Калищаны, отмечает Теодор Нарбут еще в 1805 г. [Ziółkowska M., 255; Афанасьев А., 1868, 505].

В горных районах Румынии до конца XIX в. сохранился обычай венчания незамужних беременных девушек вокруг вербы: чтобы ребенок не считался внебрачным, две старейшие в селе бабы заплетали девушке косу как замужней женщине, голову покрывали платком, и с ритуальным приговором обходили вербу три раза [Ziółkowska M., 255].

У славян-язычников заключение брачных союзов происходило у воды и у священных деревьев. Память о таких свадьбах сохранилась в пословицах (например, *венчали вокруг ели, а черти пели* и др.) и в народном эпосе: былина о богатыре Дунае говорит, что он со своею подругою „обручались — кругъ ракитова куста вѣнчались” [Афанасьев, 1868, 325]. По преданию, Степан Разин (XVII в.), восставший против Москвы и позакрывавший все церкви на Дону, велел венчать около вербовых деревьев [там же]. О невенчанных говорят, что они *венчались вокруг куста*.

Поляки посмеивались над евреями (как нехристианами) по поводу якобы их венчания под вербой [Гура А. В., 63]. С мотивом любви и незаконного брака связаны, видимо, и выражения *ludzie wierzbowego serca* — ‘влюбчивые’, *wierzbowy ojciec* — ‘названный отец’, *poślubieni pod wierzbą* — ‘любовники’.

Идея плодородия связывается с вербой также потому, что она легко разводится не только от корня, но и от срубленных и вбитых в землю кольев. В народной культуре верба символизирует также быстрый рост, здоровье и жизненную силу, гибкость, способность легко приживаться.

По этой причине объединяются значения пословиц: *Wierzbowe drzewo, gdzie posadzisz, tam rośnie; Dziewka jest jak wierzba, gdzie ją posadzisz, tam rośnie; Niemiec jak wierzba: gdzie go posadzisz, tam się przyjmie*; рус. *Немец, что верба: куды ни ткни, тут и принялся!*

От чрезвычайной гибкости и умения легко приспособливаться недалеко до подхалимства и конформизма: *Grzbiet wierzbowy łatwo się gnie; Nie bądź wierzbową wtką, która tak urośnie, gdzie ją z młodu nachyla*.

У деревьев и кустов, растущих над водами (ива, верба, ракита, плакучая береза), славяне совершали свои целебные обряды. Чехи, отправившись к растущей над потоком вербе, купались, вытирались

тряпкой или одеждой, потом вешали ее на дереве или, просверлив в нем отверстие, клали в него лоскутки одежды или пучки волос. Потом быстро, без оглядки (чтобы демон-мучитель не узнал свою жертву и не настиг ее) бежали домой [Афанасьев А., 1869, 78–79]. Смывая и стирая со своего тела недуг, больной снимает его и вместе с ветошкой, одеждой передает дереву или кусту.

У поляков больной лихорадкой таким образом „передавал” свою болезнь вербе: „сначала он опоясывался соломенным перевяслом, а потом скрытно от всех шел к молодой вербе и опоясывал ее тем же перевяслом; верба засыхала, а лихорадка проходила” (краковское, Воля Баторска) [Славянские древности, 335].

Идея связи вербы с водой сохраняется также в поговорках: рус. *где вода, там верба, где верба, там и вода*; польск. *Lepiej w Janiszowie na wierzbie, niż w Kosinie w izbie*, т.е. ‘лучше жаловаться на наводнения в богатом селе, где хорошая земля, чем сидеть, голодая, дома’.

Достаточно показателен целый ряд пословиц, поговорок и фразеологизмов с компонентом верба со значением ‘говорить небылицы, обещать что-то нереальное’, связанных с идеей бесполезности, бестолковости и бесплодия (верба не дает плодов): польск. *upatrywać <obiecywać> gruszki na wierzbie; gruszki <pieniądze> na wierzbie rosną; Gdyby a gdyby na wierzbie rosły grzyby; Taka prawda, jak na wierzbie gruszki; W Świlczy, gdzie ratusz przywiązany powróstem do wierzby; Baję baję, a na wierzbie ci gruszki rwą; Za niezdarą złota wierzba rośnie*; бел. *шукаць шышак на вярбе; вярзці грушу на вярбе; грушкі на вярбе <растуць>; назбіраў, як на вярбе груш*; укр. *<де> золоті верби ростуть; золоте верб'я росте; як виросте гарбуз на вербі; наговорити, набалакати, що на вербі груші ростуть; обіцати на вербі груші*; рус. *дождешься, как от вербы яблоч; (кто-то) сказывает на вербе грушу*.

По справедливому мнению Ю. Кжижановского, выражения с таким содержанием являются остатки народных сказаний о наивном дураке-разине, а также о неразумном мужике, который находит клад [Krzyżanowski J., 676–677].

Значащим для наших выводов будет привлечение заключительной фразы рассказчика из польской сказки „О разбойнике Кубике из Черного Дунайца и его деньгах”: *„A na ik weselu był i ja, jadedek i pił, ale sie sitko po brodzie mi lalo, a w gębie nic nie było, a potym mnie nabili do kanonu i wystrzelili mnom; lecialek i leciał, poty het precki, jazek na Donaję przyleciał i nabilek sie na jedne wirzbe, i spadek s'niej, ale cos, kiedy ta gałązka już ostala we mnie i muse nosić tyn patyk s'niej do śmierci jaze”* [Sto baśni ludowych, 307].

В прошлом верба почиталась нашими предками как дерево-фетиш: старые, дуплистые, трухлявые вербы, растущие в нечистых местах (на распутьях, у воды) считались пристанищем чертей. Ночные (Napaśnik, Przechęga, Frant), дневные (Pokuśnik, Niecności), болотные (Rokita) черти напускали сон на уставших путников, отрывали коням подковы, заманивали в безлюдные места [Ziółkowska M., 256]. Польские крестьяне боялись срубить такие вербы, веря, что на них любит садиться дьявол, превращающийся в сову (*из пустого дупла либо сыч, либо сова, либо сам сатана*) [Орлов М. А., 108; Афанасьев А., 1868, 327] Нечистая сила любит и придерживается крепко таких мест: укр. (*причепитися, прилипнуту*) як (мов, ніби) чорт до сухої берби; закохавсь, як чорт в суху грушу (вербу); рус. *влюбился, как черт в сухую ракиту*; польск. *zakochał się jak diabeł w suchej wierzbie; w starej wierzbie diabeł mieszka; śmieje się jak diabeł w suchej wierzbie* (сухая верба иногда скрипит).

По белорусским поверьям, от Вербного воскресенья до Пасхи нельзя пить вогу, зачерпнутую под вербой: с Крещенья на ней сидят черти, весной отогреваясь на солнце, а после того, как вербу освятят, они падают в воду [Славянские древности, 335].

Старая сухая верба является символом глухоты, немоты, смерти: *Jak co kogo na języku świerzbi, to niech se mówi do dudławej wierzby* (которая не услышит и не выдаст тайну); связь вербы с потусторонним миром сохранилась и в пословице: *Кто вербу посадит, сам на себя заступ готовит* — ‘умереть, когда из вербы можно будет вытесать лопату’; укр. *повиснути на гілляці (на вербі)* — 1. ‘повеситься’, 2. ‘быть казненным через повешение’; польск. *powiesić (kogo) na suchej wierzbie*.

Трухлявая, прогнившая внутри верба считается проклятым деревом также потому, что по легенде (польской, украинской) из нее были сделаны гвозди для креста, на котором был распят Христос:

„Коли жидове Христа мучили, // На розп'ятію гей розпинали, // Клюковъ за ребра гей розбивали, // Терновый вѣнецъ на головъ клали, // Глогови шпильки за ногти били, // Всяке деревце не лѣзло в тѣльце, // Червива ива ой согрѣшила — // Исуса Христа кровцю пустила” (галицкая колядка-сказание о мученической кончине Христа) [Афанасьев, 1868, 433–434].

Гибкость, горестность, склоненность, трепетность (шум листьев — метафора плача) определяют образ вербы в поэзии. Плачущая, склонившаяся над водой ива сопоставляется с брошенной девушкой, несчастной в замужестве женщиной, горюющей матерью, вдовой.

Как дерево разлуки, обмана и измены, верба является в связи с печальными картинами [Автамонов Я., 82; Эпштейн М. Н., 62–66].

Ветки вербы, как символ плодovitости, жизненности, использовались славянами-язычниками как апотропеическое средство, оберегающее от болезней и несчастий. После введения христианства верба быстро и легко аккомодировалась и к церковным обрядам: благодаря тому, что цветет рано, ее ветви украшают праздник Входа Господня в Иерусалим (церк. *Неделя Вайи*; пародн. *Вербное воскресенье*; болг. *Бръбница*, *Цветница*, *Лазарова неделя*; польск. *Niedziela Palmowa*, *Wierzbowa niedziela*; укр. *Вербний тиждень*; бел. *Вербны тыдзень*).

Известно, что при входе в Иерусалим Спаситель был встречен с радостью, горожане приветствовали его пальмовыми ветками, считавшимися символом любви, триумфа, мира и веры.

Как результат культурной коннотации, на славянской территории пальму заменила распускающаяся в то же время верба.

Вербная суббота „исстари справлялась в Москве с особенным гуляньем на Красной площади. В старину расставляли с утра ивы и вербы по берегу Неглинной речки. Сюда собирался народ *ломать вербу*, покупать ветви с херувимами” [Сказания, 369]. Выражение *вербный херувим* ‘румяный красавец’ — намек на румяных крылатых херувимов, продаваемых когда-то на Вербной неделе. В Вербную субботу совершался в Москве также „*обряд шествия Спасителя на осляти*” [Сказания русского народа, 369].

Вербное воскресенье звали также *Лазаревым*. Смысл его раскрывает народная легенда: „Лазарь, угодник преподобной, лазал на вехти (таловый куст), вербу ломал, праздник Христов встречал” [Толстой Н. И., 381].

Освященные в храмах прутья вербы использовались славянами в многочисленных магических обрядах, которые мы разделили условно на четыре группы:

I. Для сохранения здоровья, плодородия, благосостояния.

Распустившиеся почки освященной вербы считались целебным средством от разных болезней (кто съест девять таких распуколок, того не коснется лихорадка). В отваре из прутьев освященной вербы купали детей „на здравіе тѣла”, от испуга вбивали в стену колышек вербы, заостренный в виге гвоздя [Афанасьев А., 1868, 390].

Хорошо известен среди христиан обычай стегать вербой и поливать водой друг друга, приговаривая: рус. *Верба хлѣст, бей до слѣз, не я бью, верба бьѣт*; полесское *Верба бйе, не я бью. // За тыждзень Велигдзень. // Будзь багаты, як земля, // И здоровы, як вода! // <И расци, як верба>* [Толстой Н. И., 378]; бел. *Не я бью, вярба б’е! Хира ў лес, а здароўя ў косці*; Польск. *Różga bije, nie ja bije, za tydzień wielki dzień*;

Wierzba bije, nie zabije, kości nie połamie! К этому обряду восходит польская поговорка *Mazali go wierzbowym olejem* ‘отстегали розгами’

В Юрьев день вербовые ветки использовали скотоводы: „Освященную вербу верegli до первого выгона скота в поле (23 апреля) и выгоняли скот именно той вербой, которую затем спускали на воду или втыкали под крышу дома, чтобы скотина непременно возвращалась домой, а не блуждала бы по лесу” [Русский демонологический словарь, 405].

II. Для защиты от грома, грозы, ветра и града.

Согласно славянским поверьям, брошенная против ветра ветка освященной вербы прогоняет бурю; брошенная в огонь — умирляет его; брошенные во двор вербовые ветки останавливают град. От града предохраняет также пучок освященной вербы, поставленный на подоконник [Афанасьев А., 1868, 390; Славянские древности, 334]. Для защиты дома от бури крестьяне освященные вербовые ветки клали за иконами, за матицу, вешали под дверью. С этой же целью во время постройки нового дома клали вербовые ветки в восточный угол здания.

Как средство, оберегающее от грома, крестьяне в крышах домов, в хлевах и конюшнях оставляли крестики, сделанные из освященной вербы (для усиления их апотропеической функции сочетаются элементы языческого и христианского происхождения) [Czyżewski F., 94–95].

III. Для защиты от нечисти.

По русскому поверью, освященная верба защищает от нечисти: „Отъ Вербнаго воскресенья и до Юрьева дня, а нерѣдко и въ продолженіе цѣлаго года, во всякой избѣ сберегается освященная верба; увѣряють, что если въ великую субботу зажечь ее въ печи, то непременно явится вѣдьма и станетъ просить огня, который, какъ символъ грозоваго пламени, необходимъ ей для доенія коровъ” [Афанасьев А., 1869, 491].

IV. Для охраны посевов и повышения урожайности.

Пепел из сожженных освященных веток вербы разбрасывали в поле для повышения урожайности земли. Для освящения посевов нарезанные вербовые ветки примешивали к зерну накануне посева.

В полях втыкали освященные вербы, чтобы сберечь посевы от града, мышей и кротов [Афанасьев А., 1868, 390]; „воткнутая в поле сберегает посевы от происков злых колдунов, устраивающих заломы и прожины с целью отнять урожайность злаков [Русский демонологический словарь, 405].

Из изложенного материала вытекает то, что в славянской культуре и обрядах верба очень значима. Сложившаяся еще в дохристианское время ее символика многообразна и антиномична: с одной стороны,

она связана с идеей плодородия, быстрого роста, живучести, гибкости, с другой стороны — бесплодия, глухоты, немоты, смерти. Христианизированные обычаи и знаки позволяют ассоциировать ее с жизнью, радостью, воскресением и др.

Несмотря на богатый коннотативный и культурный фон, фразеологизмов с компонентом *верба* не так уж много. Часть из них устарела и не приводится современными словарями.

К наиболее употребительным в настоящее время фразеологическим оборотам можно отнести следующие: польск. *gruszki na wierzbie; obiecować gruszki na wierzbie; zakochał się jak diabeł w suchej wierzbie; w starej wierzbie diabeł mieszka*; бел. шышкі на вярбе; шукаць шышак на вярбе; на вярбе грушы / грушки растуць (у каго); вярзці грушу на вярбе; укр. <де> золоти верби ростуть; золоте верб'я росте; як виросте гарбуз на вербі; наговорити, набалакати, що на вербі груші ростуть: обіцати на вербі груші; повиснути на гілляці (на вербі); (причепитися, прилипнути) як (мов, ніби) чорт до сухої верби; закохавсь, як чорт в суху грушу (вербу). В современных словарях русского языка нами не обнаружено, кроме восточнославянского фразеологизма *Вербное воскресенье*, ни одного фразеологического оборота с компонентом *верба*.

В количественном отношении больше всего таких фразеологизмов сохранилось в украинском языке. Обращает на себя внимание употребление в белорусском, польском и украинском языках компонента *груша*. Согласно только вышедшему словарю „Славянские древности”, *груша*, как и *верба*, ассоциируется с нечистой силой, что подтверждает и компонент *diabeł* в составе польских фразеологизмов, и *чорт* в составе украинских, а также компонент *сухой* по отношению к *вербе* в польском и украинском языках. В этом отношении особое положение занимает белорусский язык, в котором в качестве компонента выступают *шышки*.

Во фразеологизмах с названными компонентами сохраняются отрицательные культурные коннотации, связанные с *вербой*. В то же время особенностью некоторых украинских фразеологизмов является компонент *золотой* (*золотая верба*).

Представленный материал свидетельствует о том, что компонент *верба* сохраняет языческие и только отрицательные культурные коннотации, отражающие сему ‘отсутствие’, ‘темная сила’, ‘пустота’ в белорусском, украинском и польском языках. Если обратиться к христианской традиции, то в русском, белорусском и украинском языках произошло замещение пальмы *вербой* (*Вербное воскресенье*). Польский язык в этом случае сохраняет компонент *пальма* (*Niedziela Palmowa*).

Литература

- Афанасьев А., 1868, *Поэтические воззрения славян на природу*, Москва, т. 2, 784+IV с., т. 3, 1869, 840 с.
- Автамонов Я., 1902, *Символика растений в великорусских песнях* [В кн.:] *Журнал Министерства народного просвещения*, № 11–12 (ноябрь, декабрь), С.-Петербург, с. 46–101, 243–288.
- Гура А. Б., 1995, *Место, роль и символика венчания в славянском обряде*, с. 59–66 [В кн.:] *Folklor-Sacrum-Religia*, red. J. Bartmiński i M. Jasińska-Wojtkowska, Lublin, Instytut Europy Środkowo-Wschodniej, s. 296.
- Эпштейн М. Н., 1990, *Природа, мир, тайник вселенной...: Система пейзажных образов в русской поэзии*, Москва, Высшая школа, 303 с.
- Живов В. М., 1993, *Двоеверие и особый характер русской культурной истории*, с. 50–59 // *Philologia slavica: К 70-летию академика Н. И. Толстого*, Москва, Наука, 428 с.
- Мандельштам И., 1882, *Опыт объяснения обычаев (индоевропейских народов), созданных под влиянием мифа*, С.-Петербург, 336+III с.
- Орлов М. А., *История сношений человека с дьяволом*, Москва, Республика, 352 с.
- Русский демонологический словарь*, 1995, автор-составитель Т. А. Новичкова, С.-Петербург, Петербургский писатель, 640 с.
- Рыбаков Б. А., 1994, *Язычество древних славян*, Москва, Наука, 608 с.
- Сказания русского народа*, 1989, собранные И. П. Сахаровым, Москва, Художественная литература, 398 с.
- Славянские древности. Этнолингвистический словарь*, 1995, под ред. Н. И. Толстого, Москва, Международные отношения, 578 с.
- Толстой Н. И., 1995, *Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике*, Москва, Индрик, 509 с.
- Czyżewski F., 1995, *Sakramentalia a pseudosakramentalia (na wybranym materiale z zakresu meteorologii ludowej)*, s. 92–103, [w:] *Folklor-Sacrum-Religia*, red. J. Bartmiński i M. Jasińska-Wojtkowska, Lublin, Instytut Europy Środkowo-Wschodniej, 296 s.
- Krzyżanowski J. (red.), 1972, *Nowa księga przysłów i wyrażen przysłowiowych polskich*, t. 3, Warszawa, Państwowy Instytut Wydawniczy, 996 s.
- Sto baśni ludowych*, 1957, opr. H. Kapeliuś i J. Krzyżanowski, Warszawa, Państwowy Instytut Wydawniczy, 415 s.
- Ziółkowska M., 1988, *Gawędy o drzewach*, Warszawa, Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza, 272 s.

Источники

- Даль В., *Толковый словарь живого великорусского языка*, т. I–IV, Москва, изд. Иностраннх и национальных словарей, 1955.
- Лепешаў І. Я., *Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы*, т. 1–2, Мінск, Беларуска-энцыклапедыя, 1993.

- Михельсон М. И., *Русская мысль и речь: Свое и чужое: Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний*, в 2-х т. Т. 1, С.-Петербург, 1902.
- Фразеологічний словник української мови*, ред. Паламарчук Л. С., кн. 1-2, Київ, Наукова думка, 1993.
- Янкоўскі Ф. М., *Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы*, Мінск, Навука і тэхніка, 1992.
- Kopaliński W., *Słownik symboli*, Warszawa, Wiedza Powszechna, 1990.
- Nowa księga przysłów i wyrażen przysłowiowych polskich*, pod red. J. Krzyżanowskiego, t. I-IV, Warszawa, Państwowy Instytut Wydawniczy, 1969-1978.
- Skorupka S., *Słownik frazeologiczny języka polskiego*, Warszawa, Wiedza Powszechna, 1967.
- Słownik gwar polskich*, ułożył J. Karłowicz, t. 1-6, Kraków, nakładem Akademii Umiejętności, 1900-1911.
- Słownik języka polskiego*, ułożony pod red. J. Karłowicza, A. Kryńskiego i W. Niedźwiedzkiego, t. I-VIII, Warszawa, 1900 i nast.
- Słownik języka polskiego*, M. S. B. Linde, t. I-VI, Lwów, Ossolineum, 1854-1860.

MYTHOLOGICAL, LINGUISTIC AND CHRISTIAN SYMBOLISM OF 'WILLOW' IN EAST SLAVONIC AND POLISH PHRASEOLOGICAL ITEMS

The article attempts to describe cultural connotations of phrases with the words *wierzba* or *wierzbowy* ('willow' as a noun or adjective, 'willowy', 'willowish', 'willow-like'). The analysis comprises linguistic data, such as phrases, proverbs, fairy tales, as well as descriptions of beliefs and practices.

In Slavonic culture the symbolism of 'willow' is diversified. On the one hand it is associated with fertility, quick growth, liveliness and physical flexibility, but on the other with infertility, deafness, silence and death. In East Slavonic languages and in Polish, phrases with the word meaning 'willow' express lack, a black force or emptiness. In Christian customs and practices, however, the word connotes life, joy and Sunday. In Byelorussian, Ukrainian and Polish phrasal expressions, beside the component 'willow', the component 'pear tree' is also frequent, both being associated with an evil force. Additionally, Polish and Ukrainian concepts contain the components 'devil' and 'dry'. Furthermore, there is equivalence between 'willow' and 'palm tree': the East Slavonic *Verbnoe voskresnye* (lit. 'willow Sunday') is paralleled by the Polish *Niedziela Palmowa* (Palm Sunday).